

**ПАРЛАМЕНТСКИЕ «НЕПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ»:
РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ КАК РИТОРИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ
В ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ**

Головина Наталья Михайловна

Соискатель кафедры стилистики русского языка
факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова,
зав. отделом информационно-библиографического сопровождения учебной и
научной деятельности,
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125993 г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9
n.golovina.ng@gmail.com

Настоящая статья посвящена исследованию речевой агрессии в институциональном парламентском дискурсе на примере анализа выступлений британских парламентариев в рамках парламентского часа (Prime Minister's Questions – PMQs). Дискурсивный анализ случаев речевой агрессии в парламентской интеракции позволяет сделать вывод о том, что использование оскорбительной лексики и инвектив представляет собой коммуникативную стратегию, не только широко используемую парламентариями, но и санкционированную самим институтом в качестве наиболее эффективной риторической стратегии, направленной на достижение институциональных целей: привлечения внимания избирателей и причинения наибольшего вреда политическому оппоненту. Парламентский дискурс, являясь поджанром политического дискурса, представляет собой конфликтный дискурс, коммуникация в рамках которого реализуется с целью заявления своей политической позиции, убеждения и привлечения электората на свою сторону. Автором обосновывается вывод о том, что, используя речевую агрессию, британские парламентарии, имеющие репутацию и статус в британском обществе (эмос), строят свою аргументацию, ориентируясь в большей степени на пафос (эмоции и ожидания аудитории), чем на обоснованность и разумность самих аргументов (логос).

Ключевые слова: речевая агрессия, парламентский дискурс, аргументация, коммуникативная стратегия, инвектива, эмос, логос, пафос

Введение

Речевая агрессия в форме инвективы, т.е. дискредитация оппонента посредством адресованного ему текста, требует тщательного изучения в рамках институциональных дискурсов. Несмотря на неприятие и осуждение проявлений речевой агрессии в повседневном общении, в институциональной интеракции популярность речевой агрессии в конфликтных дискурсах растет.

По одной из версий, инвективы в англо-саксонской риторической культуре (лат. *Invectio* – нападки, брань) ведут свое начало от ритуальных оскорблений, использовавшихся в адрес врага или добычи. У менестрелей и бродячих актеров германских племен была популярна перебранка (иногда рифмованная, например, в древнеисландском

сборнике песен о героях и богах «Старшая Эдда»). Примеры обмена ритуальными оскорблениями есть и в поэме «The Battle of Maldon» (991 г.), посвященной битве при Молдоне между англосаксами и викингами. В XV-XVI веках традиция обмена инвективами получила широкое распространение у шотландских поэтов [Crystal 2003: 172].

Развитие общества и изменение форм социального взаимодействия оказывает существенное влияние на функционирование уже, казалось бы, сложившихся форм коммуникации. Как отмечает Г.Г. Хазагеров, в настоящее время инвектива зачастую используется не столько для обличения или оскорбления оппонента, сколько для обращения к единомышленникам, которые в той или иной степени разделяют мнение ратора, использующего инвективу в своей речи [Хазагеров 2002: 13]. Кроме того, в рамках институциональных конфликтных дискурсов инвектива может использоваться как востребованная речевая стратегия в форме ритуальных (т.е. исторически сложившихся и институционально закрепленных) оскорблений (*ср. англ. sounding, playing the dozens, black verbal dueling* – охаивание, осрамление (обычно в отношении родственников оппонента), очернение).

Зачастую бывает непросто определить, где проходит граница между институциональным (санкционированным и оправданным) и повседневным (недопустимым и порицаемым) использованием речевой агрессии, принимающей форму инвективы. Анализ проявлений речевой агрессии в институциональных конфликтных дискурсах демонстрирует, что речевая агрессия является широко распространенной коммуникативной практикой, которая, тем не менее, имеет свои особенности в разных культурах и разных областях социальной жизни.

Изучение языкового поведения в контексте сложившихся социальных институтов позволяет изучить риторические приемы и речевые стратегии, свойственные определенному социальному институту, что может в дальнейшем способствовать лучшему пониманию социально-культурных особенностей коммуникации в рамках определённого института.

В литературе мы можем найти целый ряд определений институционального дискурса. По определению Т. ван Дейка, институциональный дискурс – это «общение в рамках сложившихся в обществе институтов, как взаимодействие, порожаемое самой деятельностью социального института» [Дейк 2013: 19]. По определению Е.И. Шейгал институциональный дискурс – это «дискурс, осуществляемый в общественных институтах, общение в которых является составной частью их организации» [Шейгал 2000: 43]. В.И. Карасик определяет институциональный дискурс как «специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга лично, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик 2002: 292]. Объединяет все эти определения понимание того, что существование института без коммуникации между субъектами институционального дискурса невозможно, и общение это должно строиться по определённым правилам. Таким образом, мы можем говорить о том, что в рамках определённого институционального дискурса коммуниканты действуют, исполняя определенные роли, и анализировать их коммуникацию необходимо в контексте институциональных особенностей анализируемого дискурса.

Парламентский дискурс, являясь поджанром политического дискурса, представляет собой конфликтный дискурс, коммуникация в рамках которого реализуется с целью заявления своей политической позиции, убеждения и привлечения электора-

та на свою сторону. Институциональность парламентского дискурса обуславливается наличием утвержденных ритуалов и регламентов, моделей реализации политического лидерства, процедур выработки и принятия решений, принципов поведения, собственных парламенту как институту. При анализе речевой агрессии в парламентском дискурсе недостаточно полагаться на традиционные устоявшиеся нормы и ценности. Необходимо учитывать ограничения (и дозволения), налагаемые в рамках институционального дискурса, которые и определяют «непарламентские» проявления парламентской риторики.

Уникальность парламентского дискурса состоит еще и в том, что институт, в рамках которого осуществляется коммуникация, не предполагает остановку диалога между коммуникантами из-за высокой степени их агрессивности по отношению друг к другу, что вполне могло бы произойти в повседневной ситуации общения. Инвектива в парламентском дискурсе является и маркером речевой агрессии, и специальной стратегией речевого поведения, использование которой обуславливается необходимостью порождения у непосредственного адресата и аудитории такой реакции, которая будет способствовать достижению цели участия в парламентской коммуникации: причинение репутационного вреда политическому оппоненту, политической партии и идеологии, которые он представляет, а также убеждение электората и склонение его на свою сторону. Кроме того, инвективы, к которым относятся, по определению О.В. Демидова, «резкие, оскорбительные публичные выступления против кого-либо, чего-либо, оскорбительная речь, выпад, направленные на понижение социального статуса адресата и оформленные языковыми конструкциями с открытой агрессивной оценкой» [Демидов 2013: 40], используются с целью дискредитировать, опорочить, подорвать авторитет политического оппонента, который в условиях британского парламентаризма представляет и политическую партию, и определённую идеологию.

Проявление вербальной агрессии в форме инвективы представляет собой оценочное суждение, основанное на специфических социальных, культурных и моральных ценностях, и ее изучение в рамках парламентского дискурса позволяет выявить: 1) институционально возможные формы вербальной агрессии; 2) наиболее приемлемые и эффективные модели реагирования на вербальную агрессию в рамках института; 3) модели возложения вины и принятия ответственности за вербальную агрессию; 4) взаимосвязь между степенью грубости оскорбляющего и уязвимости оскорбляемого; 5) модели смягчения вербальной агрессии в институциональном дискурсе и т.д.

Методология и исследуемый материал

Цель настоящего исследования – изучение институциональных особенностей парламентского дискурса, обуславливающих использование вербальной агрессии в Палате общин британского парламента, в их риторическом контексте для выявления условий, при которых вербальная агрессия (инвективы) может считаться допустимой в силу её институциональной закреплённости.

Настоящее исследование опирается на видеозаписи и транскрипты (официальные протоколы «Ханзард») парламентских дебатов Prime Minister's Questions (дебаты PMQ's, парламентский час), проходящих в палате общин британского парламента еженедельно по средам в течение 30-40 минут. Парламентские дебаты PMQ's – самое яркое риторическое событие, происходящее в британском парламенте, которое отражает давно сложившийся принцип подотчетности исполнительной власти законодательной. Традиция проведения парламентского часа сложилась еще в XVIII веке при первом

Премьер-министре Великобритании Роберте Уолполе (Robert Walpole, 1721-1742). Свою современную вопросно-ответную форму дебаты PMQ's приобрели в 1961 году, когда пост Премьер-министра занял лидер консервативной партии Гарольд Макмиллан. В 1997 году Тони Блэр существенно изменил процедуру. Традиция проведения правительственного часа не ограничена только Великобританией. Такой же конституционный обычай сложился в Канаде (Question Period), в Австралии, Новой Зеландии (Question Time), в Индии (Question Hour). Правительственный час отличается отсутствием единственной темы, высокой степенью импровизации и информативности.

Публикация официальных протоколов парламентских дебатов «Ханзард» осуществляется Издательством Ее Величества и является важным инструментом институализации парламентских дебатов по модели PMQ's. Однако исследователями, занимающимися изучением парламентского дискурса, отмечается, что транскрипты «Ханзард» нельзя считать абсолютно полными и точными (verbatim), так как до публикации они подвергаются рецензированию со стороны стенографистов и редакторов, которые устраняют оскорбительные, неполные, сомнительные высказывания из официального текста [Slembrouck 1992: 102] (S., 1992).

Анализ проявлений речевой агрессии требует междисциплинарного подхода, основанного на принципах риторического анализа, дискурсивного анализа, когнитивной лингвистики и т.д. В зарубежной науке дебаты по модели PMQ's исследовались в рамках прагма-диалектического подхода к анализу аргументации [ван Еемерен 2003] и в рамках теории вежливости Браун-Левинсона [Brown, Levinson 1987; Haggis 2001; Bull, Wells 2012; Ilie 2001, 2004]. Изучением оскорбительной и метафорической (образной) лексики, используемой в рамках парламентского дискурса занимались исследователи в рамках когнитивной лингвистики [Lakoff, Johnson 1980] и дискурс-анализа [Ван Дейк 2004].

В своем исследовании логических и психологических основ аргументации мы опираемся на предложенную Аристотелем систему методов убеждения, включающую доводы к этосу (этическим нормам, разделяемым ритором и слушателями), логосу (логической основе доказательства) и пафосу (эмоциям аудитории) [Аристотель 2000: 58], которая до сих пор остается универсальным методом оценки речевых стратегий, обращенных к аудитории, в риторическом контексте.

Институциональное регулирование проявлений речевой агрессии

Говорить об использовании речевой агрессии как речевой стратегии, обусловленной институциональным дискурсом, можно в силу ряда причин. Во-первых, речевая агрессия подвергает сомнению вообще успешное участие парламентария-адресата речевой агрессии в дебатах. Предпосылки этого могут быть различными и определяются историческими, культурными и социальными особенностями, в которых функционирует институт. В британской парламентской культуре существенным является умение переиграть политического противника, давая быстрые и остроумные ответы. В парламенте Швеции, например, в ответ на речевую агрессию парламентарии в подавляющем большинстве случаев доказывают личную надежность и достоверность своих слов и действует скорее как хладнокровные профессионалы [Ilie 2004: 64].

Во-вторых, речевая агрессия, которая в институциональном парламентском дискурсе определяется как «непарламентские выражения», является ритуализированным (т.е. исторически сложившимся и одобряемым в конфликтном парламентском дискурсе) взаимодействием. Таким образом, инвективы в парламентском дискурсе являются *намеренно* оскорбительными риторическими актами, выполненными в условиях кон-

фликтного парламентского дискурса с целью достижения институциональных целей убеждения и привлечения электората на свою сторону. Они используются намеренно для «наложения» индивидуального субъективного отношения на институциональное понимание целей парламентской коммуникации.

В-третьих, эмоциональная сила речевой агрессии перевешивает ее рациональную силу и «автор инвективы» использует тот факт, что люди больше поддаются влиянию, опирающемуся на эмоции, а не разум и рациональное суждение. Так как речевая агрессия опирается на ценности и нормы, имеющие отрицательные коннотации и атрибуции, то и используются они с целью низведения лица, группы лиц или института, против которых используется речевая агрессия, до стереотипных нежелательных коннотаций и атрибуций, уже имеющих отрицательную оценку в определенном социуме.

Запрет на использование непарламентских выражений в британском парламенте существует с 1844 года, когда Эрскин Мэй [Erskine May] опубликовал основной свод правил проведения парламентских процедур «Трактат о праве, привилегиях, судебных разбирательствах и использовании Парламента» [A Treatise upon the Law, Privileges, Proceeding sand Usage of Parliament] [Sandford 2003: 18]. К настоящему времени трактат выдержал 24 переиздания, и, согласно последнему переизданию [May 2011: 46], единственным человеком, определяющим «непарламентский» характер выражений, используемых парламентариями, является спикер палаты общин. По определению Э. Мэя, «непарламентскими выражениями» называются те, которые не соответствуют требованиям добросердечия и умеренности («good temper and moderation are the characteristics of parliamentary language» – здесь и далее перевод выполнен Н.М. Головиной). Отдел общественной информации и образования палаты общин [The House of Commons Public Information Office and Education Unit] дает следующее определение «непарламентским выражениям»: «оскорбления и обвинения, допустимые, только если они не выходят за границы приемлемого поведения и языка в Палате» [... insults and accusations admissible only if they do not go beyond the boundaries of acceptable behaviour and language within the Chamber].

Спикер имеет полномочия наказать парламентариев, использующих оскорбительные выражения и высказывания в отношении других членов парламента и обвиняющих их во лжи или нетрезвости, а также искажающих сказанное другими членами парламента. Но парламентарии демонстрируют недюжинную изобретательность, обходя запрет на использование непарламентских выражений. Классическим стал пример того, как лейборист Тэм Диэл (Tam Dalyell) обвинил премьер-министра во лжи:

Mr Dalyell: *As the captain of the Conqueror has said in print that he was following the General Belgrano for at least 30 hours and the Government persist in claiming that the General Belgrano was detected on the same day as it was sunk, who is telling the truth or, bluntly, is it the submarine commander or the Prime Minister who is lying?* [... кто лжет: капитан подводной лодки или Премьер-министр?].

Mr Speaker: *Order. The hon. Member must not use that word. I am sure that he will rephrase that final comment.*

Mr Dalyell: *Is it the submarine commander or the Prime Minister who is telling the truth?* [... кто говорит правду: командир подводной лодки или Премьер-министр?]

С одной стороны, парламент как институт имеет механизмы нормативного закрепления признаков парламентских и непарламентских выражений. Так, члены палаты общин обязаны соблюдать требования Кодекса поведения членов палаты общин

(The Code of Conduct of Members of Parliament), обязаны обращаться друг к другу только в третьем лице и только через Спикера палаты общин, используя утвержденные формы обращения, например: *my honorable friend*.

С другой стороны, все члены парламента пользуются безоговорочной свободой слова. Парламентария нельзя преследовать в судебном порядке за антиправительственные высказывания, если парламентарий высказался во время слушаний в парламенте. Но свобода слова не означает, что парламентариям можно использовать «непарламентские выражения»: оскорбления, грубую и бранную лексику. Кодекс поведения также существенно ограничивает и способы «трансляции» оскорбления (слова, жесты, освидетствование, улюлюканье и т.д.).

В настоящее время спикер Палаты общин может вынести замечание, если парламентарии используют слова *blackguard* [подлец], *coward* [трус], *git* [мерзавец], *guttersnipe* [сточная канава], *hooligan* [хулиган], *rat* [крыса], *swine* [свинья], *stoolpigeon* [стукач (в английском языке словом *stoolpigeon* обозначают голубя, служащего для приманивания диких голубей)], *traitor* [предатель], которые в большинстве своем являются метафорическими реконцептуализациями. Также парламентариям нельзя использовать слово «лжец», но аудиторию могут проинформировать о том, что парламентарий «темнит» [*economical with the truth*] или «терминологически не точен» [*terminological in exactitude* – У.Черчилль]. Именно запретом на использование непарламентских выражений объясняется появление таких эвфемизмов, как «терминологическая неточность», «экономно относиться к истине» (об умолчаниях), «устал и взволнован» (пьян). Слово *incapable* [недееспособный], используемое в отношении нетрезвого парламентария, также является непарламентским.

Нормы разговорного и институционального языка постоянно меняются, поэтому практически невозможно раз и навсегда установить правила, согласно которым можно было бы установить точный перечень непарламентских выражений. Находясь на посту премьер-министра, Джон Мэйджор своего политического оппонента Тони Блэра назвал «болваном» [*dimwit*], а Блэр, в свою очередь, назвал Мэйджора «самым слабым звеном» [*the weakest link*]. Политическую хватку первой женщины премьер-министра лейборист Тони Бэнкс [Tony Banks] охарактеризовал как «чувствительность сексуально неудовлетворённого удава» [*the sensitivity of a sex-starved boa-constrictor*], а Деннис Скиннер [Dennis Skinner] назвал своего соперника «деревенщиной с претензиями» [*rompous sod*]. Впрочем, позже он согласился извиниться за «с претензиями», но не за «деревенщину».

Итак, провести грань между парламентскими и непарламентскими выражениями так же сложно, как и между приемлемыми и неприемлемыми выражениями. Такие теоретические дихотомии зависят от контекста и не могут быть определены в абсолютных понятиях. Они могут быть индикаторами относительной степени вербального благообrazia и уважения, которые должны быть свойственны парламентской речи. Есть несколько институциональных факторов, которые могут сыграть важную роль при определении тяжести оскорбления: сроки и значимость обсуждаемой темы, статус и роль парламентария, использующего оскорбление и парламентария, на которого направлено оскорбление, а также степень их вовлеченности в прошлые или настоящие политические события и т.д.

Риторический анализ британского парламентского дискурса

Интеракция парламентариев в дебатах PMQs – это сражение за властные и лидерские позиции. В случае институционального парламентского дискурса под властью понимается не только институциональный статус, которым пользуется парламентарий, но также умение влиять на других и принимаемые ими решения, а также процесс оказания такого влияния.

В парламентском дискурсе представляется обоснованным изучение инвективы в контексте степени, направления (фактического адресата) и цели вербального оскорбления исходя из степени состязательности акта вербальной агрессии, а не его отклонения от правил вежливого поведения.

В риторическом контексте парламентские дебаты являются примером совещательной (агональной) риторики, при этом присутствуют, хотя и в меньшем объеме, элементы судебной и эпидейктической риторики. По мнению исследователей, высказывания парламентариев в дебатах имеют признаки классических жанров риторики, однако их вербальные обмены репликами существенно отличаются от представлений о рациональной дискуссии сторонников нормативных теорий аргументации [Eemeren 2003: 48], так как в публичных дебатах речевая агрессия используется как эффективный инструмент оказания негативного влияния на репутацию и авторитет того, на кого направлено оскорбительное высказывание (этос), в то время как ритор использует речевую агрессию для укрепления собственного авторитета (этос) и уравнивания недостаточной рациональности и последовательности собственной аргументации (логос) посредством обращения к эмоциям электората (пафос). Речевая агрессия в парламентском дискурсе является ожидаемым конвенциональным речевым поведением.

Таким образом, инвективы в парламентском дискурсе выполняют ряд риторических функций: 1. подвинуть адресата на некое действие (*movere* – лат.: двигать) и 2. развлечь, «усладить» аудиторию (*delectare* – лат.: услада). При определенных обстоятельствах, некоторые инвективы могут выполнять третью функцию: научить (*vocere* – лат.: научить). При этом парламентские оскорбления являются оскорбительными риторическими актами, осуществляемыми в крайне конкурентной институциональной атмосфере.

В риторическом контексте, оскорбительные реплики в парламенте могут расцениваться как средство привлечения внимания, используемое с целью заставить политического оппонента эмоционально отреагировать и, тем самым, представить оппонента в менее выгодном свете как менее надежного политика и/или политика, имеющего неподобающие моральные ценности. В парламентском дискурсе для риторического анализа особый интерес представляет именно аристотелевская система методов убеждения, так как она позволяет исследователю проанализировать авторитет (власть) оратора (логос), его моральные качества (этос) и эмоции, которые он стремится вызвать у аудитории (пафос).

Традиционно считается, что участники дебатов полагаются на здравый смысл и применяют его к коллективному дискурсивному событию, руководствуясь представлением о сотрудничестве и позитивной природе скрытых мотивов их участников. При этом упускаются из виду предсказуемые и непредсказуемые последствия личной эмоциональности парламентариев, а также необходимость использования стратегий, способствующих достижению институциональных целей убеждения электората и привлечения его на свою сторону. Очевидно, что парламентские дебаты как интерактивный

процесс представляют собой не только процесс выработки коллективных решений, но и процесс коллективного и индивидуального противостояния парламентариев «неправильным» и «нежелательным» политическим проектам. Кроме того, одним из мотивов участия парламентариев в дебатах становится потребность создавать и продвигать свой собственный имидж в условиях конфликтной и отчасти театрализованной парламентской реальности.

В таком иерархичном и регламентированном институте как парламент речевая агрессия является эффективным инструментом достижения институциональных целей. Необходимо отметить, что оскорбительные высказывания, как правило, неблагоприятны для того, против кого они используются, в то время как позиция оскорбляющего может укрепиться за счет использования речевой агрессии. Навязывая свою собственную репрезентацию участников институционального дискурса, инициаторы оскорблений стремятся оказать влияние на способность более широкой аудитории, представленной парламентариями, посетителями на Галерее, зрителями, наблюдающими за дебатами по радио- и телетрансляции, понимать и оценивать происходящее и изменить их взгляды и убеждения.

Человеку непосвященному может показаться, что горячие дебаты по ключевым политическим событиям окончательно покончили с британской чопорностью и британскими манерами. Однако все не совсем так. Члены британской палаты общин часто демонстрируют особенную изобретательность именно в использовании оскорблений в адрес оппонентов. Так, Дэвид Кэмерон назвал своего политического оппонента Эда Миллибанда «законченным глупцом» [*complete mug*], а бывшего министра теневого кабинета Эда Боллза [Ed Balls] «бормочущим идиотом» [*muttering idiot*] и «самым раздражающим человеком в современной политике» [*the most annoying person in modern politics*]. Не остался в долгу и Эд Миллибанд, назвавший Кэмерона «дурачиной с Даунинг-стрит» [*the dunce of Downing Street*]. И примеров подобных высказываний можно привести довольно много. В 2013 году выговор был объявлен министру транспорта Саймону Бернсу [Simon Burnce] за то, что он назвал спикера палаты Джона Беркоу [John Bercow] «тупым лицемерным карликом» [*stupid, sanctimonious dwarf*]. В 2010 году депутат от лейбористов Том Уотсон [Tom Watson] выкрикнул в адрес своего оппонента из партии консерваторов *You're a miserable pipsqueak of a man* [Ты – жалкое ничтожество].

Таким образом, мы можем говорить о том, что парламентарии, правильно оценивая возможности речевой агрессии и ее значимость для достижения институциональных целей, используют правила, закрепленные институтом, для «легитимизации» речевой агрессии в парламентской коммуникации и использования ее риторического потенциала в своих интересах.

Вербальное оскорбление как институциональная риторическая стратегия

Вербальное оскорбление как институциональная риторическая стратегия имеет ряд особенностей.

1. **Оскорбление должно быть намеренным.** Речевая агрессия является намеренным речевым актом в том смысле, что использующий инвективу использует ее для того, чтобы адресат и аудитория, ставшая свидетелем речевой агрессии, воспринимали ее как намеренно совершаемый акт.

Широкий резонанс в британском обществе вызвала ситуация, при которой, во время ожесточенных споров, связанных с выходом Великобритании из Европейского

союза (19 декабря 2018 года), Джереми Корбин (лидер теневого кабинета и глава Лейбористской партии), уже прекративший публичную полемику с Терезой Мэй, произнес фразу, которая многими была понята как “*a stupid woman*” [глупая женщина]. Сам Корбин позже попытался оправдаться, заявив, что он сказал *stupid people* [глупые люди]. Спикер палаты общин заявил, что, так как он сам не слышал, что на самом деле сказал Корбин, он не может каким бы то ни было образом наказать Корбина, и оставил за гражданами Великобритании право решать, что Корбин сказал на самом деле и «делать из этого выводы». Инвектива как акт вербальной агрессии достигает своей цели только в том случае, если используется в выбранной ритором форме для оскорбления оппонента и воспринимается адресатом как намеренное действие. Отсутствие намерения лишает высказывание инвективной силы в институциональном дискурсе.

2. Оскорбление должно опираться на историко-культурные предпосылки.

Анализ речевой агрессии в рамках институционального дискурса способствует лучшему пониманию моральных и социальных стандартов, предубеждений, запретов и оценочных суждений различных социальных и политических групп и индивидуумов в анализируемом сообществе. Поскольку в основе оскорблений лежат предопределенные культурной спецификой негативные ценности и нормы, они используются с целью понизить статус лица или группы, против которых направлено оскорбление, до стереотипов, имеющих отрицательную (негативную) социальную атрибуцию.

Ряд исследований показали, что именно британский парламентский дискурс отличается особой конфликтностью и враждебностью по отношению к политическому оппоненту. Речевая агрессия используется в британском парламенте очень давно. Так, Бенджамину Дизраэли приписывают фразу «половина кабинета – полные ослы». Когда от него потребовали отказаться от своих слов, Дизраэли согласился, заявив, что он ошибся и «половина кабинета – это не ослы».

Почему же британские политики настолько грубы по отношению друг к другу? Ответить на этот вопрос непросто. Это может быть связано с состязательной природой процедур в палате, где представители правительства сидят напротив своих оппонентов, представляющих оппозицию. Кроме того, многие парламентарии считают, что едкое остроумие является ключевым элементом их собственной политической привлекательности и именно этот навык оттачивается при обучении в ведущих университетах Великобритании. По мере того, как Британия вступала в эру кабельных новостных каналов, и с появлением мемов в социальных сетях, количество оскорблений существенно увеличилось [Taylor 2016]. Политики осознали, что оскорбление является более легким способом завоевать популярность, чем серьезные дебаты.

Как правило, институциональная модель взаимодействия между парламентариями в британском парламенте демонстрирует тенденцию к постоянному обострению конфликта, что может существенно отличаться от моделей, принятых в парламентах других стран. Так, в парламенте Швеции гораздо более приняты модели избегания и смягчения противоречий [Pie 2004: 75], а в британской риторической традиции допускается высмеивание самых серьезных тем.

Таким образом, британские парламентарии склонны к стратегиям, ориентированным на пафос, они используют яркие метафоры, гиперболы, риторические вопросы, иронию и сарказм, в отличие от, например, шведских парламентариев, для которых гораздо большее значение имеет серьезное и обоснованное обсуждение политически значимых вопросов, не допускающее разговоров развлекательного и игривого характера [Pie 2004: 76].

Таким образом, мы можем говорить о том, что речевая агрессия британских парламентариев основана на логосе, ориентированном на пафос, что отражает мировоззрение и ожидания аудитории, перед которой выступают ораторы. Предположение о том, что грубость парламентариев может быть связана с их распушенностью, отсутствием должного воспитания, демонстрацией своего социального превосходства также не могут быть использованы именно в британском парламентском дискурсе [Zhelvis 2012: 1795]. Использование грубых выражений скорее является результатом успешного прохождения специального обучения по поведению в дебатах, которые преподаются в лучших университетах Великобритании. Кроме того, анализ дебатов позволяет говорить о том, что речевую агрессию в адрес оппонентов позволяют себе гораздо чаще представители оппозиции, тем самым они используют наиболее эффективную, в их представлении, стратегию причинения вреда имиджу политика, представляющего правящую партию.

Институциональные стратегии смягчения актов речевой агрессии

Как уже отмечалось выше, речевая агрессия используется не только как эффективная риторическая стратегия, востребованная в парламентском дискурсе. Используя речевую агрессию, парламентарий, который ее инициирует, проверяет границы дозволенного поведения не только для себя, но и для своего оппонента.

Стратегии смягчения речевой агрессии со стороны ее инициатора

Существование стратегий, смягчающих речевую агрессию, обусловлено тем, что цель институционального парламентского дискурса – не прекращение коммуникации вообще и не разрыв отношений между коммуникациями, а причинение репутационного вреда политическим оппонентам и привлечение электората на свою сторону. К стратегиям смягчения речевой агрессии можно отнести:

1. **Ритуализированные формы непрямого обращения** к оппонентам в третьем лице и только через спикера Палаты общин, как правило, не по собственному имени, а по избирательному округу, который представляет парламентарий. Такая ритуализированная форма непрямого обращения способствует тому, что оскорбительные высказывания оказываются приемлемыми для парламентского дискурса.

2. **Формулирование обращения к оппоненту с использованием конвенциональных форм обращения, демонстрирующих уважение**, например: *I wonder whether something has changed about the United States administration or something has changed about the right hon. Lady's own leadership ambitions to alter her words in this way.* [Скажите, что-то изменилось в администрации Президента Трампа, или изменились политические амбиции **глубокоуважаемой леди-спикера?**].

3. **Использование инвективных высказываний в адрес всей партии или идеологии**, которой придерживается адресат речевой агрессии. Парламентским может оказаться оскорбление, если оно атрибутировано ко всей партии и, тем самым, снимается индивидуальная ответственность. Ниже мы приводим пример того, как представитель лидера оппозиции высказывается против расточительности и непредусмотрительности правительства, которое собирается сотрудничать с Д.Трампом:

«So the Government are going to spend millions on giving Donald Trump the red-carpet, golden-carriage treatment in June. [...] The truth is, however, that it will all be a giant waste of taxpayers' money, because the US Congress will never agree to a trade deal unless we have a solution to the Irish border issue that will actually work, and this Government simply do not have one!» [А это Правительство собирается потратить мил-

лионы на встречу Трампа в июне, расстелить перед ним красную дорожку и подать золотую карету. [...] Но правда в том, что это будет **непозволительное расточительство средств налогоплательщиков**. Конгресс никогда не согласится на торговое соглашение, если не будет решен вопрос с ирландской границей, а у этого Правительства **такого решения нет!**].

4. Немедленное **принесение извинений** после произнесения инвективного высказывания.

5. Формулирование инвективных высказываний в **форме риторического вопроса**.

6. Использование **эвфемизмов**, заменяющих уже признанные непарламентскими инвективы.

Необходимо отметить, что в парламентской интеракции в том случае, если целью оскорбления является политический оппонент, представляющий политическую партию или идеологию, оскорбительный коммуникативный акт может быть инициирован не непосредственным участником коммуникации, а любым другим членом парламента, представляющим оппозиционную политическую силу. Так, во время выступления Джереми Корбина в Палате общин (16 февраля 2016 года) член консервативной партии с места выкрикнул *“Who are you?”* [«А ты кто такой?»]. После этого Дж. Корбин не мог продолжить свою речь из-за улюлюканья членов парламента, представляющих основные политические силы Великобритании.

И это далеко не единичный случай. Премьер-министру Дэвиду Камерону во время его объяснения политики правящей партии в бюджетной сфере представитель лейбористов выкрикнул *“Ask your mum!”* [Маму свою спроси!], намекая на тот факт, что собственная мать Дэвида Кэмерона подписала петицию против сокращений бюджета, предложенных правительством сына.

Борис Джонсон, член консервативной партии и бывший мэр Лондона, в настоящее время претендующий на пост лидера консервативной партии, весьма остроумный собеседник, сумевший с достоинством выйти из многих щекотливых ситуаций, не нашелся, что ответить на явно оскорбительную реплику парламентария «Заправь рубашку, Борис!» [*Tuck your shirt in, Boris!*], за которой последовала волна улюлюканья и насмешек.

Стратегии реагирования на речевую агрессию со стороны адресата

Довольно долгая история использования речевой агрессии в британском парламентском дискурсе привела к тому, что адресаты речевой агрессии научились справляться с вызовами оппонентов не только не потеряв своего собственного лица, но и используя речевую агрессию оппонента во благо себе. Мы уже упоминали, что особенностью британского политического дискурса является его повышенная конфликтность и исторически сложившееся представление о том, что хороший политик – это политик, блестяще владеющий искусством политических острот.

В результате анализа мы выделили следующие стратегии реагирования на речевую агрессию:

1. **Игнорирование речевой агрессии.**

2. **Ответная речевая агрессия (зеркальный ответ).**

Ранее мы приводили пример того, как политические оппоненты могут использовать семейные связи в своей агрессивной риторике. Но британский парламента знает примеры того, как ответная агрессия становилась гораздо более сильным аргументом,

и адресат превращался в инициатора речевой агрессии. Ответ Дэвида Кэмерона на реплику политического оппонента «Ask your mum!» стал примером того, что речевая агрессия, используемая в ответ на речевую агрессию, может оказаться очень эффективным оружием в руках подготовленного ратора. Дэвид Камерон ответил уже непосредственно Джереми Корбину, высмеяв его довольно небрежную манеру одеваться и отказ демонстрировать национальную принадлежность: «Маму спросить? А я знаю, что она скажет! Она посмотрит на тебя с того места, где я сейчас стою, и скажет: «Надень приличный костюм, повяжи галстук и пой гимн Великобритании!» [*Ask my mother? I know what my mother would say. She'd look across the dispatch box, and she'd say, 'Put on a proper suit, do up your tie, and sing the national anthem!'*»].

Проведенный нами анализ ответной речевой агрессии показывает, что наиболее частыми являются оскорбления, опирающиеся на личностные и интеллектуальные особенности оппонента, семейные связи, национальные интересы и проявления патриотизма.

3. Уклонение от прямого ответа.

Лидер шотландской национальной партии Ян Блэкфорд [Ian Blackford] в своем обращении к Терезе Мэй во время прохождения кампании по выбору нового лидера Консервативной партии, не называя Бориса Джонсона, обвиняет его в расизме и призывает Терезу Мэй «честно» ответить, действительно ли она считает, что человек, который позволял себе расистские высказывания в адрес мусульманок и африканцев, выступающий против кандидатуры шотландца в качестве главы парламента, подходит на пост Премьер-министра:

[The Prime Minister thought that the man who published those words in his magazine was fit for the office of our top diplomat, and he has not stopped there. He has said that Scots should be banned from being Prime Minister – banned from being Prime Minister, Mr Speaker – and that £1 spent in Croydon was worth more than £1 spend in Strathclyde. [...] does the Prime Minister realise that not only is the Member racist, but he is stoking division in communities and has a record of dishonesty? Does the Prime Minister honestly believe [...] that this man is fit for the office of Prime Minister?]

Однако, уже имея богатый опыт работы в прениях, Тереза Мэй уходит от ответа, сославшись, в том числе, и на осведомленность самого Яна Блэкфорда о том, что во время дебатов парламентарии могут задавать только вопросы, касающиеся деятельности и действий правительства, сняв с себя тем самым ответственность за высказывания коллеги по партии.

4. **Демонстрация уважения, подчеркнутая вежливость** в ответ на вербальное оскорбление и речевую агрессию. Этот прием наиболее свойственен Терезе Мэй, которая, не будучи ярким и находчивым оратором, использовала этот прием, не желая вступать в «обмен остротами», который она обычно проигрывает.

5. **Возложение ответственности на политических оппонентов.** Это еще один прием, который используется в том случае, если оратор не уверен в своей способности вступить в яркую полемику.

Заключение

Парламентская реальность, так же, как и любая другая институциональная реальность, имеет ряд отличительных особенностей, которые могут препятствовать или способствовать использованию речевой агрессии. В рамках парламентской интеракции парламентарии ограничены в используемых словах и выражениях регламентом

и поведенческими конвенциями. Использование речевой агрессии в британском парламенте является примером того, что, при соблюдении ряда институциональных требований, речевая агрессия может стать эффективной риторической стратегией. Более того, используя речевую агрессию, парламентарии проверяют границы дозволенного поведения (при этом имея защиту в виде парламентского иммунитета) и для парламентария, использующего оскорбление, и для того, против кого оно используется. Инвективы, используемые в парламентском дискурсе, опираются на метафоризацию и метонимическую концептуализацию различных табу и социокультурных предрассудков. Механизмы сдерживания, ограничения и смягчения речевой агрессии предопределяются сложившимися в британском обществе социально-культурными ценностями и нормами, а также институциональными традициями и конвенциями. Именно поэтому в британском парламентском дискурсе в рамках дебатов PMQ's преобладает риторика, ориентированная на пафос, то есть на трансляцию аудитории тех эмоций, которые способствуют достижению целей парламентской интеракции.

Литература

- Аристотель*. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. 352 с.
- Дейк Т.А. ван*. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
- Демидов О.В.* Инвектива как современная коммуникативная тенденция публичного дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение, 2013. № 1 (292). Вып. 73. С. 39–41.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
- Хаззагеров Г.Г.* Риторический словарь. М.: Флинта, 2009. 432 с.
- Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. Москва, Волгоград : Перемена, 2000. 368 с.
- Brown, P., Levinson, S.* (1987). Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge : Cambridge University Press. 345 p.
- Bull, P., Wells, P.* (2012). Adversarial Discourse in Prime Minister's Questions // Journal of Language and Social Psychology. Vol. 1(31). pp. 30–48.
- Crystal, D.* (2003). The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge : Cambridge University Press. 2nd ed. 491 p.
- Dijk T. Van.* (2004). Text and context of parliamentary debates // Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse / edited by P. Bayley. Amsterdam : John Benjamins. 384 p.
- Eemeren, F. H. Van.* (2003). A Systematic Theory of Argumentation. The Pragmatic-Dialectical Approach. Cambridge: Cambridge University Press. 216 p. doi.org/10.1017/CBO9780511616389
- Harris, S.* (2001). Being politically impolite: extending politeness theory to adversarial political discourse // Discourse & Society. Vol. 12. pp. 451–472.
- Ilie, C.* (2004). Insulting as (un)parliamentary practice in the British and Swedish parliaments. A rhetorical approach // Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse / ed. by Bayley P. John Benjamins Publishing Company. doi:10.1075/dapsac.10.02ili.
- Ilie, C.* (2001). Unparliamentary Language: Insults as Cognitive Forms of Ideological Confrontation // Language and Ideology / edited by Rene D., Roslyn F. & Ilie C. Stockholm : Stockholm University. Volume II: Descriptive Cognitive Approaches.

Lakoff, G., Johnson, M. (2003). *Metaphors We Live By*. Chicago : University of Chicago Press. 191 p.

May, E. (2011). *Parliamentary Practice* / edited by Malcolm Jack at all. LexisNexis. 24th ed. 496 p.

Sandford, M. (2013). *Traditions and customs of the House: House of Commons Background Paper* / House of Commons Library. URL: <http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06432/SN06432.pdf> (дата обращения: 01.07.2019).

Slembrouck, S. (1992). The parliamentary Hansard “verbatim” report: the written construction of spoken discourse // *Language and Literature*. No 1 . pp. 101–119.

Taylor, A. (2016) The petty, mean and deliciously rude ways British politicians insult one another // *The Washington Post*. 25 February 2016. URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/02/25/the-petty-mean-and-deliciously-rude-ways-british-politicians-insult-one-another/?noredirect=on&utm_term=.93175b2449c2 (дата обращения: 01.07.2019).

Zhelvis, V.I. (2012). Rudeness as a System of Strategies and an Object of Classification // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. Vol. 12(5). pp. 1790–1797.

PARLIAMENTARY “NONPARLIAMENTARY LANGUAGE”: VERBAL AGGRESIVENESS AS A RHETORIC STRATEGY IN THE PARLIAMENTARY DISCOURSE

Natalya M. Golovina

PhD Applicant of the Department of Stylistics of the Russian Language
of the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University

Head the Department of Information and Bibliographic Support

For Educational and Research Activities,

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Sadovaya-Kudrinskaya St., 9, Moscow, Russia 125993

n.golovina.ng@gmail.com

This paper is devoted to the study of speech aggressiveness in the institutional parliamentary discourse on the example of rhetoric analysis of speeches of British parliamentarians within the framework of the Prime Minister’s Questions (PMQs). Discourse analysis of cases of speech aggression in parliamentary interaction leads to the conclusion that the use of offensive vocabulary and invectives represents ritualized communication strategies not only widely used by parliamentarians but also sanctioned by the institution itself as the most effective rhetorical strategy aimed at achieving institutional objectives, namely: attracting the attention and persuading voters and defaming political opponents. The author substantiates the conclusion that, using speech aggression, British parliamentarians, who have a reputation and status in the British society (*ethos*), build their reasoning focusing to greater extent on pathos (emotions and expectations of the audience) rather than on the validity and reasonableness of the arguments themselves (*logos*).

Keywords: verbal aggressiveness, parliamentary discourse, argumentation, communicative strategy, invective, ethos, logos, pathos

References

- Aristotel.* Ritorika. Poetika [Rhetoric. Poetics]. Moskva: Labirint, 2000. 352 s. (In Russian).
- Deik T.A. van.* Diskurs i vlast: reprezentatsiia dominirovaniia v iazyke i kommunikatsii [Discourse and power: representation of dominance in language and communication] / per. s angl. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2013. 344 s. (In Russian).
- Demidov O.V.* Invektiva kak sovremennaia komunikativnaia tendentsiia publicnogo diskursa [An invective as a modern communicative trend of public discourse] // Vestnik Cheliabinskogo gosudasvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art History], 2013. № 1 (292). Vyp. 73. S. 37–41. (In Russian).
- Karasik V.I.* Iazykovoii krug: lichnost, kontsepty, diskurs [The Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd : Peremena, 2002. 477 s. (In Russian).
- Khazagerov G.G.* Ritoricheskii slovar [A rhetorical dictionary]. M.: Flinta, 2009. 432 s. (In Russian).
- Sheigal E.I.* Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. Moskva, Volgograd : Peremena, 2000. 368 s. (In Russian).
- Brown, P., Levinson, S.* (1987). Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge : Cambridge University Press. 345 p.
- Bull, P., Wells, P.* (2012). Adversarial Discourse in Prime Minister's Questions // Journal of Language and Social Psychology. Vol. 1(31). pp. 30–48.
- Crystal, D.* (2003). The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge : Cambridge University Press. 2nd ed. 491 p.
- Dijk, T. Van.* (2004). Text and context of parliamentary debates // Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse / edited by P. Bayley. Amsterdam : John Benjamins. 384 p.
- Eemeren, F. H. Van.* (2003). A Systematic Theory of Argumentation. The Pragmatic-Dialectical Approach. Cambridge: Cambridge University Press. 216 p. doi.org/10.1017/CBO9780511616389
- Harris, S.* (2001). Being politically impolite: extending politeness theory to adversarial political discourse // Discourse & Society. Vol. 12. P. 451–472.
- Ilie, C.* (2004). Insulting as (un)parliamentary practice in the British and Swedish parliaments. A rhetorical approach // Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse / ed. by Bayley P. John Benjamins Publishing Company.
- Ilie, C.* (2001). Unparliamentary Language: Insults as Cognitive Forms of Ideological Confrontation // Language and Ideology / edited by Rene D., Roslyn F. & Ilie C. Stockholm : Stockholm University. Volume II: Descriptive Cognitive Approaches.
- Lakoff, G., Johnson, M.* (2003). Metaphors We Live By. Chicago : University of Chicago Press. 191 p.
- May, E.* (2011). Parliamentary Practice / edited by Malcolm Jack at all. LexisNexis. 24th ed. 496 p.
- Sandford, M.* (2013). Traditions and customs of the House: House of Commons Background Paper / House of Commons Library. URL: <http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06432/SN06432.pdf> (retrieval date: 01.07.2019).

Slembrouck, S. (1992). The parliamentary Hansard “verbatim” report: the written construction of spoken discourse // *Language and Literature*. No 1 . P. 101–119.

Taylor, A. (2016) The petty, mean and deliciously rude ways British politicians insult one another // *The Washington Post*. 25 February 2016. URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/02/25/the-petty-mean-and-deliciously-rude-ways-british-politicians-insult-one-another/?noredirect=on&utm_term=.93175b2449c2 (retrieval date: 01.07.2019).

Zhelvis, V.I. (2012). Rudeness as a System of Strategies and an Object of Classification // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. Vol. 12(5). P. 1790–1797.